

Пусть будет фальшь мила Европе старой...

НЕСПОКОЙНЫЙ
1748 ГОД ЗАВЕРШАЛСЯ
КАК БУДТО
НА МИРНОЙ НОТЕ —
ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ
В ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕЛАХ

Уже в Петербурге Катя постигла тайны последних придворных интриг, которые были замешены на легкомысленных амурах и супружеских адюльтерах. Конечно, никакой политикой здесь не пахло, но, как всегда у подножия трона, любая мелочь обретала политический привкус...

РЕВНОСТЬЮ ЖИЗНЬ ЖИВА!

Яркие впечатления давали пищу и уму, и сердцу. Тем более что Фике буквально проглотила два прелюбопытных опуса: фривольно-мемуарные «Записки» Пьера де Брантома (сочинителя, творившего в XVI веке), которые весьма позабавили великую княгиню, и «Биографию Генриха IV», очерченную сочным пером архиепископа Парижского Ардуэна де Перефикса. Второй фолиант, поведав читателям о взлете и падении династического родоначальника французских Бурбонов, настроил Катю на серьезный лад. И красавица желала воспринимать окружающее сквозь многоцветную призму печалей и радостей. Пусть будет всего понемногу — лишь бы с хрустом не ломались естественные пропорции!

Впрочем, скучать не приходилось: во дворце толковали, что зимой императрица вместе со свитой поедет в Москву. И мадам Крузе предложила Екатерине получше подготовиться к дальнему вояжу — «прибавить белья». Фике поддержала идею, и они вдвоем с увлечением разрезали-шивали всевозможные ткани и материи. Однажды камер-фрау решила показать своей голубокровной ученице, как надлежит кроить рубашки из тонкого голландского полотна. Закипела работа, которая, наверное, дала бы хорошие плоды и в портняжном, и в педагогическом смысле, если бы... Если бы на пороге не замаячила мрачная фигура госпожи Чоглоковой.

Можно было не теряться в догадках о причине дурного расположения духа Марии Симоновны. Но к нему примешивалась и сугубо личная струя — застарелая неприязнь к Марии Крузе. Неприязнь, коя возросла из-за приснопамятных эпизодов в благородном семействе статс-дамы. От Чоглоковой не укрылось, что «сплетница Крузе» постоянно фланировала в Петергофе между великокняжескими Верхними палатами и Монплезиром, где изволила остановиться государыня Елизавета Петровна. Зачем? Да затем, чтобы злорадствовать над ее, Марии Симоновны, несчастьем. Подленько, за спиной, хихикать и распускать вздорные, нелепые слухи.

Поэтому, узрев суету вокруг изящных сорочек, вельможная особа категорически осудила занятия кройкой и шитьем. И тотчас отправилась в монаршие апартаменты — докладывать! Наутро грянула гроза: Мария Симоновна вновь — на сей раз с триумфом во взоре! — вошла в комнату и известила со слов Ее величества, что камер-фрау Крузе совершенно увольняется от службы при Высочайшем дворе, дабы осесть в доме графов Сиверсов — ее зятя, Карла Ефимовича, и дочери, Бенедикты Федоровны. Ну а огорчение августейшей молодой пары, успевшей крепко привязаться к Крузе, царица-матушка к сердцу не приняла.

«И в башнях грезят
короли...»

Город Ахен
XVII — XVIII столетий.
Так выглядел он
во времена
мирного
конгресса.
Старинная
гравюра.

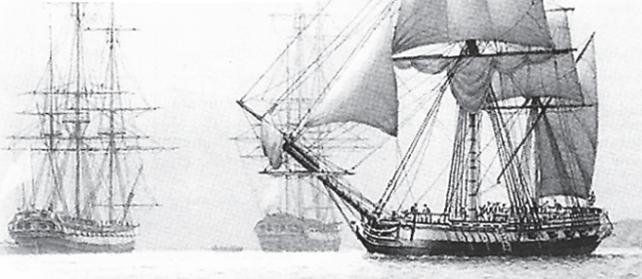
С ВОЙНОЙ ПОКОНЧИЛИ МЫ СЧЕТЫ...

Вскоре в покоях Екатерины появилась новая камер-фрау — Прасковья Никитична Владиславовна. Женщина значительная и влиятельная, почтенная и степенная. По сведениям камердинера Тимофея Евреинова, кого Фике именвала за глаза «моим оракулом», она дама была тещей видного сотрудника Коллегии иностранных дел Ивана Пуговишниково, служившего секретарем у самого канцлера Алексея Бестужева-Рюмина. Она, шептались, предана графу Алексею Петровичу и, будучи умной, воспитанной и необычайно хитрой персоной, обладает отменными, изысканными манерами и блестяще умеет располагать к себе собеседника. А посему надо держать с ней ухо востро!

Слушая эти доводы и советы, Катя подумала, что возросшая активность предводителя внешней политики, чей нрав отменно высветился еще со скандально-лживого доноса обер-церемониймейстера Франца Санти, не случайна. В какой-то степени, не исключено, она связана с европейскими событиями. Сиречь с подписанием итогового Ахенского мира, увенчавшего своими статьями восьмилетнюю войну за Австрийское наследство. Бестужев, вероятно, хотел бы знать, как оценивает важные международные бумаги «тронная молодежь». И зоркая, проворно-проницательная Прасковья Никитична могла оказаться здесь очень и очень кстати. Не в пример обем примелькавшимся Машам — нередки беременной Чоглоковой и частенько хмельной Крузе...

С весны 1748-го в древнем Ахене — орлиной точке на

«Якорь был — и тот пропал...»
Французские парусные корабли.
Их сильно потрепали
в сражениях англичане
и голландцы.
Середина XVIII века.

границе тогдашних раздробленных немецких земель, Голландии и австрийских владений в Южных Нидерландах (позднейшей Бельгии) — шли напряженные дипломатические встречи. Английские, французские, австрийские, голландские, испанские и даже сардинские послы съехались в центр, который когда-то, в конце VIII века, был объявлен зимней резиденцией Карла Великого, а потом и столицей мощной, но

недолговечной Франкской империи. Правда, впоследствии, в X столетии, на ее обширном пепелище возникла другая империя — Священная Римская (или, говоря проще, Австрийская), чьи повелители на протяжении многих веков торжественно короновались в стенах Ахенского кафедрального собора.

К открытию переговоров грозный форпост давно уже считался вольным имперским городом. Но приехавшие легаты с удовольствием беседовали и совещались под небом прославленной административной единицы. В апреле был сделан заметный шаг к успокоению: морские державы — Англия и Голландия — утвердили предварительный (прелиминарный) договор с Францией, добившейся немалых ратных побед на суше, но фактически потерявшей свой флот и понесшей огромные убытки в континентальной и колониальной торговле. Через полгода, 18 октября, мирный пакт заключили все остальные участники «сечи», в том числе Испания и Сардинское королевство. Затем подпись поставили австрийские представители. Горячий прусский «воевода» Фридрих II уклонился от переговорного процесса, поскольку не бря-

цал оружием аж с декабря 1745 года, когда завизировал в Дрездене полезные ему пункты с австрийцами и саксонцами.

Ахенский трактат повторил кое в чем чеканные дрезденские параграфы. Так, почти вся Силезия ушла от Вены к Берлину. Австрия, кроме того, утрачивала некоторые итальянские области: Парма, Пьяченца и Гуасталла становились достоянием испанского монарха. Но зато кайзерин Мария Терезия получала обратно Южные Нидерланды. Голландия и Сардиния восстанавливали свои довоенные рубежи, а англичане и французы разменялись небольшими районами на краю света. Париж возвратил Лондону порт Мадрас в Ост-Индии, а лондонские сэры отарили сира Лодовика островом Кан-Бретон у берегов Северной Америки. И все заинтересованные стороны признали — через губу! — Прагматическую санкцию покойного кайзера Карла VI, заботливого батюшки Марии Терезии. Отныне его дочь — на законнейшем основании! — носила корону Священной Римской империи германской нации. Счастливой Австрии, как оптимистично называли свою разноплеменную родину ее богопомазанные властители и их придворные лизоблюды...

ТОТ КРУГ, ЧТО БОГИ ОЧЕРТИЛИ НАМ...

Скромные результаты австрийской брани настолько не соответствовали длительности боев и пролитой на полях крови, что Фике иногда сомневалась в психической вменяемости тех лидеров, которые раскрутили этот смертоубийственный маховик. Между тем — да, вовсе без войны цивилизация обходиться не может: общество дряхлеет и разлагается. И Екатерина порою смаковала острую речь незабвенного «дедушки»: «Мир — хорошо! Но дремать при том не положено, чтобы не связали нам рук да и солдаты не сделались бабами!»

Впрочем, как-то раз, сидя с приближенными за стаканом любимой анисовой водки, Петр Алексеевич разоткровенничался по поводу далекой античной истории. Рассуждая о тысячемильных походах Александра Македонского, государь воскликнул: «Какой тот великий герой, кто воюет во имя собственной славы, а не для обороны отечества, — только ради обладания вселенной! Александр — не Юлий Цезарь. Сей — разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света. Последователям его — неудачный успех!» Да, вздохнула Катя, во всем нужна мера. И благодарные Господу, что храбрый князь Василий Репнин предпринял недавно стремительный бросок на Рейн. Марш, который остудил французов и пруссаков и обошелся без единой капли русской крови...

Яков ЕВГЛЕВСКИЙ